

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1922 году альпинист Фрэнсис Сидни Смайт совершил поездку через Францию к Альпам и был до глубины души потрясен, впервые увидев эти горы из окна железнодорожного вагона, с грохотом катившегося через Юру: «Когда поезд... начал свой стремительный спуск в швейцарские долины, я увидел Альпы... меня охватило глубочайшее волнение, то чувство изумления, какое снисходит на человеческое существо раз или два в жизни, — писал он позже. — Поистине счастливы те, кому повезло увидеть горы в раннем возрасте, и удивительны их приключения».

И в самом деле, для удивительных приключений Альпы открывают поразительные перспективы, и эта книга ставит своей целью помочь путешественникам, отправляющимся в горы, — кем бы они ни были: любителями пеших прогулок, горнолыжниками, альпинистами или просто выехавшими на экскурсию горожанами, — и дать им представление о том, что они увидят, в определенном историческом и культурном контексте. Книга, в которой предпринята попытка охватить географию, историю и культуру этого региона, не говоря уже о том, какое впечатление произвел этот горный хребет на писателей и художников, черпавших вдохновение в его ланд-

шафтах, ставит перед собой весьма амбициозную задачу: протянувшиеся широкой дугой через Европу, от Ниццы до Вены, Альпы — не только тысячи пиков, долин и озер, но и многочисленные города, сыгравшие заметную историческую роль, например Гренобль, Люцерн и Инсбрук. На протяжении веков за эти горы сражались империи, их восхваляли поэты, исследовали ученые, ими любовались туристы, — благодаря чему у автора книги, подобной этой, не будет недостатка в материалах для работы (скорее, налицо проблема их отбора); но, что бы в конечном счете ни вошло в подобное культурное исследование, над фактами истории, научными исследованиями и мемуарами всегда будет возвышаться одно — сам горный ландшафт, чья красота никогда не поблекнет, как бы ни были популярны другие горы: «Макалу оставляет не поддающиеся описанию впечатления, — писал альпинист Джордж Мэллори, — но в целом Гималаи разочаровывают, и по сравнению с Альпами они бесконечно менее красивы».

Итак, нижеследующее вовсе не претендует на то, чтобы быть традиционным путеводителем по горам; скорее, цель книги — проследить через века культурную историю этого ландшафта и взглянуть на него глазами геологов, ботаников, поэтов, прозаиков, композиторов, военных стратегов и тех, кто там живет. И чтобы приступить к этой труднейшей задаче — если вам угодно, дать общее представление, — лучше всего, вероятно, начать откуда-нибудь *повыше*.

ВВЕДЕНИЕ

Вид с горы Юнгфрау

Потребуется сорок минут, чтобы добраться сюда по туннелю: неспешное, тряское путешествие во мраке, по железнодорожной ветке, пронизывающей одну из самых известных гор в мире. Зубчатые колеса под вагонами стонут и скрежещут, медленно втаскивая состав вверх по крутому склону. На вершине пассажиры покидают станционные здания чутьточку ошеломленными, вдыхая кристально-чистый воздух и щурясь от слепящего альпийского солнца; некоторые даже начинают испытывать первые симптомы горной болезни. Когда пассажиры приходят в себя, то осознают, что поезд высадил их в месте, являющемся чем-то вроде альпийского Диснейленда. Здесь сочатся влагой ледяные скульптуры, через густо усыпанные снегом просторы проложены лыжни, люди катаются на санях, запряженных слюнявыми ездовыми собаками, высокоскоростные лифты возносятся внутри утеса на смотровую башню с названием «Сфинкс», здесь есть индийский ресторан и даже почтовая контора; объявления на множестве языков убедительно просят не ходить слишком быстро, чтобы не мучаться от одышки, а бригады предупредительных медиков внимательно смотрят по сторонам, чтобы помочь любому, кто испытывает неудобство

от пребывания на высоте 3500 метров над уровнем моря. Место, куда прибыли пассажиры поезда, и есть Юнгфрау-Йох — обрывистый хребет, который проходит между двумя огромными горами, и именно здесь находится самая высокая в мире железнодорожная станция — «Макушка Европы», как она называется на рекламных плакатах.

Неудивительно, что панорама, представляющая с «Макушки», производит глубокое впечатление. С террасы над зданиями станции открывается вид на сверкающие снегом альпийские пустоши, чья белизна в солнечных лучах ослепляет, простирается вдаль, вплоть до Вогезов и Юры — низких, фиолетовых и подернутых дымкой у горизонта; рядом справа высятся потрясающие пики — Айгер (3970 м), Менх (4099 м) и Юнгфрау (4158 м), серо-зловещие и обычно затянутые густой пеленой находящихся в вечном кружении облаков и тумана. Туннель железнодорожной ветки Юнгфрау-Йох проложен в толще Айгера и проходит за его печально знаменитой предательской северной стеной, восхождение на которую долгое время считалось одной из самых сложных задач среди альпинистов. Название горы в переводе означает «огр» — сказочный великан-людоед — и намекает на ту роль, какую чудовища, бесы и кобольды долгое время играли в фольклоре Альп. Ниже смотровых площадок Юнгфрау-Йох, вдоль широкой каменной расщелины, которую он сам же и пропахал, протянулся к долине Роны Алезский ледник, самый длинный в Европе; в ледниковый период сотни ледников наподобие Алезского покрывали Альпы, прорезая глубокие долины и образуя вытянутые длинные озера, нередко поразительно красивые. С другой стороны тысячами метров ниже смотровых площадок, зеленеют луга долины Лаутербруннен, откуда отправляются поезда на Юнгфрау-Йох. Поля испещрены пятнышками домов, которые кажутся размером с булавочную головку; когда-то эти деревеньки входили в

самые отдаленные сельскохозяйственные коммуны, но ныне населенные пункты у подножия Юнгфрау, такие как Венген и Гриндельвальд, получают доходы за счет туристов, толпы которых стекаются сюда вот уже более столетия.

Потрясающим видом на деревни и фермы, на пики и ледники, на глубокие долины и далекие горы, видом, который открывается со смотровой площадки Юнгфрауйох, каждый год наслаждаются два миллиона человек; они приезжают сюда из Интерлакена, оздоровительного курорта меж двух озер, чтобы самим прочувствовать эту вечно ледяную пустыню. Даже в случае облачной погоды мало кто возвращается разочарованным; достаточно и испытанного чувства полнейшего восторга от того, что вознесен над окружающим миром на громадную высоту, где царят холод, снег и пронизывающие ветры, что оказался в месте столь опасном и столь отдаленном — и столь знаменитом.

Но значение Юнгфрауйох не ограничивается лишь великолепием ее расположения, а намного его превосходит. С террас снаружи станции можно наблюдать те многие силы, природные и человеческие, которые столько времени формировали ландшафт и культуру Альп: ледники, прорезавшие озера и долины и сточившие горные склоны до остроконечных пиков, таких как Айгер; крутые склоны и суровые погодные условия, превращающие восхождение на горы в трудновыполнимую задачу; отдаленные селения, чьи жители на протяжении веков жили в страхе перед чудовищами и драконами, обитавшими среди пиков, а потом превратили горы в источник дохода, когда в этом районе появились первые туристы; горные кручи и обрывы, подтолкнувшие инженеров к столь оригинальным решениям при строительстве первых железных дорог; парк «Альпийская страна чудес» с собачьими нартами и ледяными пещерами, который подкрепляет репутацию Альп как одного из крупнейших в мире туристи-

ческих центров; и в высшей степени великолепный пейзаж, который своей красотой привлекает полчища писателей, художников, кинематографистов и композиторов. Именно поездка в 1816 году поэтов Шелли и Байрона на Женевское озеро и в Шамони послужила тем снежком, который породил лавину альпийского туризма. «Безмерность [гор] поражает воображение, — писал после этого путешествия Шелли, — и до сих пор превосходит все, что возможно себе представить, поэтому требуется напрячь воображение, чтобы поверить, что они действительно являются частью Земли». После Шелли здесь побывали, в частности, такие писатели, как Чарльз Диккенс, Марк Твен, Роберт Луис Стивенсон, сэр Артур Конан Дойл, Поль Теру, Томас Манн, Жан-Жак Руссо, Генри Джеймс и Эрнест Хемингуэй. Список деятелей культуры, связанных с горами, не ограничивается писателями: Вагнер и Малер приезжали сюда сочинять музыку, Тернер и Рескин — рисовать, Лени Рифеншталь и Дэвид Лин — снимать фильмы, а Фредди Меркьюри и «Дип пепл» — записывать диски. В действительности культурная история этих гор столь же богата и разнообразна, как и виды, открывающиеся со смотровых площадок Юнгфрауёх, и почти столь же непростая, как северный склон самого Айгера.

Сейчас вполне уместно задаться вопросом о точных границах региона, охватить который ставит своей целью эта книга. Хотя понятно, что Юнгфрауёх расположена в центре Альп, но периферия района в целом определена менее отчетливо; например, где Альпы превращаются в субальпийские предгорья? И заслуживают ли эти области того, чтобы включать их в книгу, претендующую на обзор местности, известной под названием «Альпы»? В некоторых местах отроги горных хребтов очевидны: над Кьяссо, самым южным городком в Швейцарии, возвышается на 1804 метра гора Дженераза, и если с вершины этого голого скалистого пика

Вершина Юнгфрау. Вид со стороны Лаутербруннена.
Фото О. Королевой

посмотреть в одну сторону, то взгляд устремляется в сердце Альп, а если в другую — то падает на плоские пространства равнины реки По. Понятно, что Кьяссо — то место, где Альпы и начинаются и кончаются. В сотнях миль на северо-восток, в Баварии, замок Нойшванштайн стоит над грохочущей рекой, что стремительно вырывается из скалистого ущелья к невысоким и пологим, поросшим лесом холмам, обозначая одну из наиболее очевидных границ между горами и равниной. Но в других местах точно отделить горные хребты намного сложнее: к примеру, где пахнувшие тимьяном известняковые холмы Прованса переходят в то, что большинство считает Альпами? Нельзя указать определенной раздели-

тельной границы: местность просто повышается, пока, если двигаться от Средиземного моря на север, не становится понятным, что область вокруг Бриансона или Гренобля соответствует понятию «альпийская», в то время как южнее — наоборот. С аналогичными проблемами мы сталкиваемся возле Женевского озера: его восточная часть, которую обступают пики высотой более двух тысяч метров, несомненно принадлежит альпийскому окружению, но если двигаться к западу, то прибрежный ландшафт сглаживается, и саму Женеву вообще-то уже нельзя рассматривать как альпийский город. К альпийским нельзя отнести и большое число прочих городов, расположенных за пределами предгорий: Альпы хорошо видны из Мюнхена, Турина, Цюриха и Милана, но хотя горы высятся на кажущемся близком горизонте, на самом деле расстояние до них все же значительно. Другие города находятся в точности там, где кончаются горы: подобно Кьяссо или Нойшванштайну, Люцерн, Зальцбург, Бергамо и Лозанна одновременно обращены на соседние высокие горы и смотрят на местность более равнинную, едва-едва повышающуюся настолько, чтобы сформировать то, что заслуживает определения «предгорье».

Несмотря на подобные затруднения, предлагаемая книга ставит целью обозреть весь горный регион, который простирается от Гренобля и берегов Женевского озера на восток, вплоть до австрийских областей Каринтия и Штирия и до Озерного края возле Зальцбурга. Доломиты входят в рассматриваемую зону, а возвышенности Прованса и холмы Нижней Австрии между Веной и Штирией — нет. Инсбрук, Гренобль, Люцерн и Лозанна относятся к числу альпийских городов, но Женева, Цюрих, Мюнхен и Турин, как выходящие за пределы этой зоны, таковыми не считаются. На северо-востоке отроги Альп протягиваются в южную Германию, а юго-восточную часть региона захватывает уголок Слове-

Двуглавая вершина в Доломитовых Альпах.
Фото О. Королевой

нии; но самые главные и наиболее значимые области Альп расположены на территории четырех стран — Швейцарии, Франции, Италии и Австрии. Самая высокая часть гор, массив Монблан и Бернский Оберланд, лежит на западе, и, если двигаться на восток вдоль горного хребта, то, минуя Маттерхорн, мы попадаем в австрийский Тироль, где вершины постепенно становятся ниже и производят менее яркое впечатление, хотя ландшафт и культура по-прежнему остаются неизменно «альпийскими». Но речь в книге идет и о местах, находящихся в стороне от самых высоких частей горной гряды, и их выбор неизбежно субъективен: каким-то иным образом невозможно прийти к определению того, что есть Альпийский регион.

Каковы бы ни были подлинные границы этой области, Альпы благодаря своему расположению в центре Европы притягивали к себе весьма разных людей: Наполеон, Карл Великий, Юлий Цезарь и Адольф Гитлер — все эти исторические персонажи стремились сюда, чтобы стать свидетелями осуществления своих имперских амбиций. Следы здесь оставили также первопроходцы в сфере туризма, научных исследований, зимних видов спорта и альпинизма, наряду с христианскими миссионерами, богатыми купцами, горнопромышленниками, инженерами-путейцами, не говоря уже о крестьянах, которые поколения за поколениями возделывали тяжелую почву Альп и разводили овец, коров и коз на пустынных склонах, спускающихся к таким поселениям, как Венген и Гриндельвальд. В разное время образ этой горной страны как в народном воображении, так и в представлениях интеллектуалов менялся: она была то обиталищем бесов и драконов, то раем для туристов, то полигоном для испытания человеческих сил и выносливости, то романтическим уголком дикой природы. В действительности Альпы, вероятно, говорят бесчисленными голосами, какие можно услышать на страницах этой книги, формируя целый спектр мнений и представлений об одной части земного шара, которую больше всего описывали, которую больше всего посещали и за которую больше всего воевали. И свою культурную сеть Альпы раскинули настолько широко, что, наверное, было бы разумным начать рассмотрение исторического наследия этих гор с совершенно другого конца Европы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ландшафт

О утесник Дитчлинг-Бикон,
От солнца золотишься весь.

Эти строки английский поэт Альфред Норман написал в 1917 году. Он описывал крутые холмы, которые высятся севернее Брайтона. Если взглянуть с их вершин в одну сторону, то можно увидеть Английский канал, а с другой стороны открывается вид на пестрое лоскутное одеяло лесов и полей, по которому рассыпаны крошечные деревни с домами из серого камня. Далее Норман описывает «плавные склоны Даунленда» и прогулки «в компании с жаворонком, / С морским ветром в друзьях». Данное им описание, пусть, наверное, и витиеватое, в точности отражает «английскость» этого суссекского пейзажа: в превосходный воскресный весенний день, когда солнечные лучи пробиваются сквозь прорехи в бегущих по небу облаках, накидывая на окрестности постоянно меняющийся узор мягкого света, на склонах появляются десятки людей. Кто сидит на невысоких каменных оградах, подальше от ветра, подняв воротники теплых пальто и припадая к термосам, извлеченным из багажников; кто, хрустя подошвами ботинок по известняку и песчанику, прогуливается по тропинкам, что протянулись вдоль гряды Южного Даунса, причем двухсотсорокавосемиметровый

холм Бикон — из числа самых высоких. Отсюда цепь холмов простирается на восток и на запад — голые травянистые вершины, на которых торчат редкие деревца, качающиеся и кланяющиеся под яростными порывами ветра, что порой обрушиваются на это незащищенное от стихии место.

Дитчлинг-Бикон принадлежит Национальному тресту¹ и был передан ему для использования в благотворительных целях в память о летчике-истребителе, сбитом неподалеку в годы Второй мировой войны в ходе «Битвы за Англию». (На одном из местных указателей можно прочесть: «Владельцы собак, благодарим вас за поведение ваших питомцев».) Однако, несмотря на всю английскость характерного пейзажа, существует его связь с Альпами, лежащими в пятистах милях южнее: несомненно, Альфред Норман не знал об этом, как, по всей вероятности, не подозревают и многие из тех, кто по уикендам прохаживается меловыми тропинками холмов Даунса: Южный Даунс сформировали те же самые мощные тектонические процессы, которые вознесли альпийские хребты Центральной Европы около шестидесяти миллионов лет назад. Эти грандиозные силы породили геологическую рябь, распространившуюся на сотни миль, выгнувшую и смявшую земную твердь в ряды возвышенностей поскромнее, как, например, холмы южной Англии. Существование таких связей было установлено совсем недавно: когда над Южным Даунсом шла «Битва за Англию», любого геолога, рискнувшего предположить, что формирование этих холмов каким-то образом связано с образованием Альп, осмеяли бы коллеги по лаборатории.

¹ Национальный трест — организация по охране исторических памятников, достопримечательностей и живописных мест Великобритании. Основана в 1895 г. и финансируется за счет частных пожертвований и небольших государственных ассигнований.

«Головоломные скальные выверты»

Геолог Ричард Форти указывает, что Лохцайтен в долине Сернфа в центральной Швейцарии дает ключ к пониманию сил, создавших Альпы. «На этой части земной поверхности все перемешано и перевернуто вверх тормашками, — писал он в книге «Земля: сокровенная история». — Там громадные плиты скальной породы могут быть перекобочены, как смявшиеся при подбрасывании на сковороде блины, и там же высокие горы, чьи кручи бросают вызов самым опытным альпинистам, могут оказаться не более чем верхушкой, гребнем гигантской геологической складки. В этом месте природа не отказала себе в удовольствии перелопатить геологические пласты с таким размахом, что создала головоломные скальные выверты, ставшие сущим мучением для умов ученых». В этом месте, по утверждению Форти, находится «одно из святилищ геологической науки».

Эти «головоломные скальные выверты», настолько озадачившие ученых, представляют собой изгибы пластов земной поверхности столь мощные, что целые участки скал сминаются и складываются слоями. В Лохцайтене темная, серого цвета сланцеватая порода, известная как *флиш*, — ее образуют слои отложений морского дна, которые с тех пор затвердели и уплотнились, — лежит под породой, известной под названием «веррукано». Та состоит из гальки, приобретшей вытянутую или удлиненную форму из-за воздействия на нее сильного давления и высокой температуры, а такие условия существуют только в глубинах земной коры. Когда-то флиш добывали неподалеку, возле Энги, отправляя затем на плотках вниз по Рейну до самого Роттердама. В XIX веке швейцарский палеонтолог Луи Агассис побывал в каменоломнях у Энги и обнаружил во флише окаменелости

живых существ, которых он никогда раньше не встречал. Он решил, что открыл какие-то новые виды, неизвестные в то время науке. Но Агассис ошибался. Это были окаменелости хорошо знакомых видов морских рыб, только претерпевшие деформацию, искаженные почти до полной неузнаваемости последующим движением породы, в которой те оказались погребены.

Лохцайтен ставит две геологические загадки: во-первых, как порода, имеющая возраст более двухсот пятидесяти миллионов лет (веррукано), оказалась *поверх* породы (флиш), которая насчитывает всего лишь двадцать восемь миллионов лет; и, во-вторых, почему окаменелые остатки морских животных обнаружены в породе так далеко от моря и вдобавок вознесены на столь большую высоту?

До XX столетия никто не осмеливался предполагать, что появление горных хребтов может быть результатом грандиозных, охватывающих целые континенты движений земной коры. До того существовало множество разнообразных идей о возникновении гор. (Древние греки считали, что их вознесли из земных глубин мифические титаны.) Одним из первых, кто задумался над этим вопросом и оказал влияние на дальнейшее его изучение, был англиканский священник и философ Томас Бернет. Оставив свой кембриджский колледж и отправившись в десятилетний отпуск, Бернет в качестве компаньона сопровождал молодых аристократов, предпринимавших путешествие в Италию для ознакомления со знаменитыми античными развалинами. В числе таких молодых людей был граф Уилтшир, с которым Бернет в августе 1672 года преодолел перевал Симплон. Как и все мыслители XVII века, Бернет хорошо знал общепринятое мнение об Альпах: считалось, что горы опасны и не могут вызывать ничего иного, кроме отвращения, они являются препятствием при путешествии на юг и отдельного рассмотрения недо-

стойны. Но в верхней точке Симплонского перевала Бернет отметил для себя нечто необычное: он обнаружил, что горы красивы. «Есть в них нечто величественное, что рождает благородные мысли и пробуждает в душе возвышенные чувства, — писал он позже. — Они наполняют разум и одолевают его своей чрезмерностью и ввергают в приятное состояние оцепенения, раскрывая воображение». Благодаря интересу, проявленному Бернетом к возможным причинам образования гор, появилась книга «Священная теория Земли», в которой было немало непривычных и волнующих своей новизной представлений; написанная на латыни, впервые она была опубликована в 1681 году в количестве всего двадцати пяти экземпляров.

Десять лет спустя «Священная теория Земли» появилась на английском и привлекла к себе широкое внимание. Сам Бернет считал, что он «чересчур любопытен к деяниям Бога», и утверждал, что многие суждения относительно геологии до сих пор были неверными. В то время верили, что мир существует шесть тысяч лет (в 1650 году Джеймс Асшер, архиепископ ирландской Армы, определил точный момент творения — 9 часов утра в понедельник, 26 октября 4004 года до Рождества Христова) и что созданная тогда Земля с тех пор не менялась; тем не менее Бернет определил два вытекающих из этого противоречия — во-первых, в библейском рассказе о творении отсутствует упоминание о горах, а во-вторых, Всемирный потоп никогда не смог бы покрыть самые высокие горы в мире, даже если бы дождь лил не переставая сорок дней. Так что «Священная теория Земли» предлагала радикальные ответы на эти вопросы: Земля, как постулировал Бернет, была сотворена ровной и гладкой, без всяких холмов или гор; «мировое яйцо», как он ее называл, «не имеющее ни царапины, ни трещинки на всей своей поверхности, никаких скал или гор, никаких пещер или пустот». Все

реки текли от полюсов к тропикам, где испарялись; а Земля обращалась таким образом, чтобы в райском саду царила вечная весна. В центре Земли находилась вода, на которой плавала земная твердь. Как утверждал Бернет, со временем солнце высушило кору и та начала трескаться и разламываться, и в образовавшиеся трещины устремились воды Всемирного потопа. Это катастрофическое событие привело к тому, что земная кора раскололась и изогнулась складками, и в конце концов вода отступила, оставив после себя хаос: «мир, лежащий в обломках... в диком беспорядке, с наваленными в огромные и бесформенные груды камнями... развалины разбитого мира».

Так что Альпы, через которые в 1672 году перебрался вместе со своим юным подопечным Бернет, были, как и все прочие горы, тем, что осталось после потопа: осколками суши, захваченными необъятными водоворотами и нагроможденными Всемирным потопом друг на друга. Именно поэтому о горах не упоминается в Книге Бытие. Горы не были частью замысла Господа. Они были частью Его кары.

Интеллектуалы той эпохи разошлись во мнениях относительно теорий Бернета. Его идеи очень хорошо приняли на страницах журнала «Спектейтор», и Сэмюэл Тейлор Кольбридж подумывал переложить «Священную теорию Земли» белым стихом в эпическую поэму. Но другие пришли в ужас: Бернет лишился должности в кембриджском Крайст-колледже, и с его карьерой высокопоставленного священнослужителя было покончено. Тем не менее его книга стала, по меньшей мере, снежным комом, породившим сход лавины: было высказано предположение, что горы имеют геологическое прошлое, отличное от прошлого остальной земной поверхности; короче говоря, Бернет впервые выдвинул представление о *причине*, по которой горы существуют там, где они есть.

Позже, отталкиваясь от идей, сформировавших суть книги Бернета, ученые начали строить и развивать новые теории. Французский естествоиспытатель Жорж Бюффон (1707–1788) предположил в «Естественной истории», что каждый день творения на самом деле представлял собой целую эпоху; сложив их, он определил возраст Земли в 75 000 лет. В 1770-х годах швейцарский горвосходитель и ученый Орас-Бенедикт де Соссюр писал, что горы являются результатом своего рода подземного взрыва — еще один четко выраженный шаг в правильном направлении. В «Теории Земли», опубликованной между 1785 и 1799 годами, шотландский геолог Джеймс Геттон принял следующий постулат: тот ландшафт, какой мы видим, является лишь моментальным снимком в непрерывной череде циклов — прибегая к современной метафоре, это отдельно взятый кадр из рулона киноплёнки. Горы не являются чем-то неизменным, утверждал Геттон; они поднимаются под действием непонятых сил и истачиваются выветриванием; морские раковины, которые обнаруживают на горных вершинах в толще скальных пород, не принесены туда Всемирным потопом, они оказались там потому, что горные вершины некогда были морским дном. Высказанные Геттоном идеи в дальнейшем получили развитие у другого шотландского ученого, Чарльза Лайела, чей труд «Основы геологии» (1830–1833) был столь же революционен и знаменит, что и «Происхождение видов»; в действительности Дарвин, отплывая в 1831 году на «Бигле», взял с собой экземпляр книги Лайела, и эта работа, по сути, определяла развитие геологии как науки до самого конца XIX века.

Вскоре после публикации главного труда Лайела два швейцарских геолога, Арнольд Эшер и Альберт Гейм, приступили к подробному изучению горных пород в своей родной стране, стремясь найти геологический Святой Грааль, который пролил бы свет на образование Альп. «Никто это-

му не поверил бы... меня бы упрятали в психиатрическую лечебницу», — писал позже Эшер, подвергая сомнению свою радикальную идею о том, что здесь произошло некое грандиозное геологическое сжатие, породившее складчатость и продольные изгибы, которые он (а до него такие исследователи, как Агассис) наблюдали в местах наподобие Лохцайтена. Ученик Эшера Альберт Гейм, автор трехтомного трактата «Геология Швейцарии», создавал макеты Альп, отличавшиеся поразительной детальностью — на макушке башенных часов даже сидели воробьи размером с булавоочную головку. Гейм использовал макеты в качестве наглядных пособий для своих студентов, и они дожили до наших дней и хранятся на его старой университетской кафедре в Цюрихе. Гейм поддерживал идею Эшера о том, что своим возникновением Альпы обязаны колоссальным геологическим силам сжатия и складкообразования. Но, хотя со времен Бернета наука ушла далеко, а Гейм и Эшер были правы в своих утверждениях, что Альпы действительно представляют собой громадную геологическую складку, точное объяснение причин горообразования оставалось по-прежнему столь же зыбким, как и раньше.

«Скверно приготовленная лазанья, смятая при запекании»

Прорыв случился в 1915 году, и истоки его — самые невероятные. Немецкий метеоролог Альфред Вегенер заинтересовался геологией и в своей книге «Происхождение континентов и океанов» предположил, что материки каким-то образом движутся и что это движение масс суши Земли ответственно за такие явления, как горы и океанские бассейны. На первых порах идеи Вегенера научное сообщество отвергло как вздорные, и Вегенер вернулся к изучению по-

годы и в конце концов погиб в 1930 году, замерзнув во время снежной бури в Гренландии. Однако по прошествии пятидесяти лет теорию дрейфа материков стали мало-помалу принимать, а в 1960-х годах она получила подтверждение — геологи открыли, что на океанском дне посреди Атлантики непрерывно происходит образование новой земной коры. Это послужило доказательством того, что тектонические плиты, на которые разделена земная кора, находятся в постоянном движении — как и предполагал Вегенер. В конце концов было признано, что Альпы сформировались в результате столкновения двух таких плит, Африканской и Евразийской; сойдясь вместе, эти две гигантские тектонические структуры заставили подняться горы, превратив Альпы в часть обширного горного хребта, протянувшегося от Марокко до Турции и включающего целые горные цепи, такие как Пиренеи, Центральный Французский массив, Татры в Словакии и Атлас в Марокко.

Именно там Южный Даунс и прочие европейские возвышенности (например, Юра) выравниваются: они — следы тектонической «ряби», распространившейся от главного центра столкновения в Альпийском регионе. И эти процессы продолжают до сих пор: формирование Альп началось 65 миллионов лет назад, и горы по-прежнему поднимаются; в геологическом смысле они еще младенцы, намного моложе, чем древние горы, такие как величественное шотландское Северное нагорье или Аппалачи, которые когда-то высотой не уступали Альпам, но подверглись эрозии и в настоящее время почти сошли на нет под воздействием ветров, дождей и льда — та же судьба ожидает со временем и Альпы.

Если обратиться к теории тектонических плит Вегенера, то сложная история формирования Альп начинает проясняться. Около шестисот миллионов лет назад климат этого района был жарким и влажным, холмистую местность по-

крывали обширные субтропические болота и буйные леса; деревья, некогда росшие на этих болотах, ныне образуют угольные пласты, которые разрабатываются в таких местах, как Ла-Мюр и Бриансон во Французских Альпах (в Люцерне в XIX веке уголь добывали даже в шахте рядом с собором). Быстро пролетели триста пятьдесят миллионов лет, и район превратился в обширное мелководное море, на дно которого осаждались слои песка и глины, образуя песчаник и глинистые сланцы дня сегодняшнего. Известняк, образованный из скелетов крошечных тропических морских созданий, тоже отложился в ту эпоху. Эта горная порода формирует Доломиты в Северной Италии — свое название они получили в честь французского геолога Доломье, который впервые определил уникальный характер богатых магнием Доломитовых Альп; она же формирует обширные известняковые плато Французских Альп, в том числе Веркор и Шартрез возле Гренобля и плато области Верхний Прованс далее к югу. Эти плоскогорья пересекают обрывистые ущелья, наподобие Гран-Каньон-дю-Вердон в Верхнем Провансе, который пробила река Вердон, а под землей, под этими плато, на сотни километров протянулись извивы подземных пещер, таких как Грот-де-Шоранс в Веркоре, изобилующих впечатляющими наростами сталагмитов и сталактитов.

Затем, примерно тогда же, когда вымерли динозавры, столкнулись Евразийская и Африканская плиты и началось сжатие и складкообразование. Бывшее морское дно предшествующей эры поднялось, а затем сминалось и скручивалось, точно какие-то гигантские геологические «американские горки», забросив окаменелости морских животных и растений на некоторые из самых высоких пиков. Помимо Лохцайтена, где в такое замешательство привели Луи Агассиса увиденные им во флише окаменелости, последствия этих событий можно встретить во многих уголках Альп. Возле

Тренто в Доломитах имеются любопытные скальные образования, известные под названием Пале-ди-Сан-Мартино: они сложены из особенной светлой горной породы, которая некогда была коралловым рифом тропического океана. Возле Диня, на самом юге Французских Альп, внимание привлекает ландшафт в виде веера, так называемый Велодром, который возник в результате сдавливания и изгибания слоев песчаника в совершенный полукруг; на отдельных участках в песчанике можно увидеть окаменевшие отпечатки лапок птиц, которые некогда гуляли по влажному песку бывшего тропического пляжа, а в расположенном неподалеку музее можно полюбоваться на ископаемого ихтиозавра — похожую на рыбу рептилию почти пяти метров в длину. На вершине перевала Сан-Бернардино (2066 м) в Швейцарии, рядом с ведущей через перевал дорогой, выходит на поверхность обнажение серой слоистой породы, известной как гнейс, — в прошлом она была погребена на сотни километров в глубины земной коры. В деревне Пьянаццо, расположенной в глубокой долине над Беллинцоной в швейцарском кантоне Тичино, у южных отрогов горного хребта, на дне скалистой расщелины протекает маленькая речка, отмечающая точное место, где встречаются Евразийская и Африканская плиты.

Согласно Ричарду Форти, линия геологического сдвига, вдоль которой протекает река, указывает на «щель, что разделяет эти завалы тектонических спагетти, которые протянулись на север на сотни километров». От центра Пьянаццо, который состоит всего из нескольких домов, вытянувшихся вдоль дороги, крутая тропа спускается через лесной массив, наполненный стрекотанием цикад и обильным запахом конских каштанов, к однопролетному пешеходному мосту, что пересекает речку Моббио и, таким образом, в некотором смысле соединяет Европу и Африку. Волнистые скалы, про-

тянувшиеся отсюда на север на сотни миль и формирующие сердце Альп, являются, по словам Форти, «не более чем отчаянной попыткой земли вскарабкаться подальше от места вторжения неотвратимо надвигающегося гиганта [Африканского континента]... Вся Карпатская гряда выгибается в сторону от притеснителя». (Одна из наиболее известных гор Альп, Маттерхорн, представляет собой впечатляющий результат этого процесса: верхний сегмент на самом деле часть «Африки», которую вытолкнуло целиком поверх «Европы».)

Далее Форти продолжает уподоблять процесс формирования Альп тому, как на скатерти образуются складки: «Если положить ладонь на скатерть и двинуть руку по столу вперед, то ткань начнет сминаться, возникают складки... Продолжайте двигать руку, и складки будут заваливаться, а самая задняя постепенно будет наползать на предыдущие, образуя напластование складок... Альпийские горы можно рассматривать как скверно приготовленную лазанью, с плохо уложенными слоями и смятую при запекании».

«Жуткий шум, который перепугал всю округу»

По мере того как Альпы поднимались, они подвергались выветриванию, стачивались под действием воды, ветра и — в особенности — движущегося льда. В прошлом в Альпах существовали громадные ледники, в десятки километров длиной, которые продолбили широкие, прямые, с крутыми склонами долины, как, например, долины Роны и Инна, и оставили после себя вытянутые, напоминающие палец озера, такие как Комо, Лаго Маджоре, Лугано, Женевское и Фирвальдштетское. Сейчас ледники отступили в более высокие части гор, но и уцелевшие по-прежнему огромны; наибольшее впечатление производит Алечский ледник, его начало

можно видеть ниже Юнгфрауйох, а массивный ледяной поток извивается на двадцать три километра на юг в направлении долины Роны, где его можно видеть у Беттмеральпа возле Брига. В числе прочих ледников, издавна пользующихся популярностью как у туристов, так и у ученых, — Пастерце, чей исток расположен ниже Гроссглокнера, самой высокой горы Австрии; Ронский ледник, талые воды которого питают реку Рону; и череда каскадов ледяных потоков возле Шамони, в сердце Французских Альп, включая ледник Аржантье и Мер-де-Глас.

В прошлом для ученых оставалось загадкой и то, как действовали ледники, и то, чем они по сути являются, и из-за окружающей их тайны эти ледяные потоки казались столь же притягательными и зловещими, как и высокие пики, в тени которых они рождались. Около трех столетий среди туристов и ученых был популярен ледник Мер-де-Глас, знаменитый благодаря своему эффектному волнообразному изгибу, образованному при спуске с массива Монблана в лесистую долину Арва, сразу к северу от Шамони. В 1741 году два англичанина, Уильям Уиндэм и Ричард Покок, совершавшие в том районе восхождение, побывали на леднике и рассказали об огромных расщелинах на ледяной поверхности, которые способны без труда поглотить искателей горного хрусталя и могут прекрасно сохранять их тела в ледяной гробнице на протяжении десятилетий. (Для Альп эти два путешественника были весьма эксцентричными особами: Покок только что вернулся из поездки по Египту и Палестине и однажды, отправляясь в горы, облачился в тюрбан, восточный халат и сандалии: неудивительно, что подобный наряд вызвал необычайный интерес у местных пастухов.) Двадцать лет спустя де Соссюр так описывал словно бы покрытую рябью поверхность того же самого ледника: «море, неожиданно замерзшее, но не во время бури, а в тот миг, когда ветер стих, когда

волны, хотя и высокие, успокоились и округлились». (Страстный любитель Альп Альберт Смит, который в 1850-х годах по всему Лондону показывал театрализованное представление о своем восхождении на Монблан, позволил себе не согласиться с Соссюром, когда в 1838 году посетил ледник. «Рассказ, что Мер-де-Глас напоминает неожиданно замерзшее море во время шторма, — полная ерунда, — писал Смит. — С Монтанвера он походит скорее на увеличенное в размерах вспаханное поле».) К 1785 году в Шамони было три гостиницы, которые принимали пятнадцать сотен туристов ежегодно; в числе сувениров в городке на продажу предлагали горшочки с местным медом и кристаллы, найденные местными крестьянами высоко в горах.

В 1779 году городок посетил немецкий поэт Иоганн Вольфганг Гёте, который намеревался «ходить по самому льду и рассматривать эти глыбы вблизи». Взбираясь на Монтанвер, скалистое обнажение породы, которое господствует над Мер-де-Глас, он набрел на уединенный деревянный домик, известный как Шато-де-Фоли. Этот домик поставил англичанин по имени Блэр, устроив в ней личный винный погреб и бар для своих друзей. Всего через тридцать лет сюда приехал поэт Перси Шелли; вместе с женой Мэри он предпринял осторожную прогулку по ледяным пещерам, пробитым в толще ледника, а затем им рассказали, как два голландских туриста выстрелили в одной из пещер из пистолета и на них свалилась ледяная глыба. В том же веке, но позже, здесь побывал еще один писатель — Марк Твен в очерках «Пешком по Европе» писал, что стены туннеля «испускали густой мягкий голубой свет, производивший очень приятное впечатление», и что от ледяных стен исходило «нежное голубое сияние»¹.

¹ Здесь и далее цитаты из «Пешком по Европе: Книга путевых очерков» в переводе Е. Нелидовой, Е. Игнатьева.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Благодарности	7
<i>ВВЕДЕНИЕ.</i>	
Вид с горы Юнгфрау	9
<i>ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.</i>	
Ландшафт	17
<i>ЧАСТЬ ВТОРАЯ.</i>	
История	47
<i>ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.</i>	
Образы	176
<i>ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.</i>	
Туристы	270
Библиография и книги для дальнейшего чтения	380